

HABITATORES В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАФЫ (XIII — XV вв.)

Проблема формирования и социального смысла институтов городского гражданства представляет собой одну из сложнейших в урбанистике в целом, и в исследовании истории городов Латинской Романии, в частности. Среди множества возможных подходов к разрешению данной проблемы нам представляется наиболее перспективным метод структурного анализа. Применяя его и учитывая иерархизированный характер городского сообщества, мы остановимся не на элите или нобилитете, гораздо чаще привлекавших интерес медиевистов, но, напротив, на его нижних strataх.

Из всех городов Латинской Романии, быть может, только в Кафе получила завершённое оформление система городского гражданства, включавшая в себя три уровня — *cives*, *burgenses* и *habitatores*, что в какой-то степени являлось отражением процесса урбанизации и возвышения статуса городской общины от обычного *locus*, или *burgus*, до *civitas* и *communitas*. Если первые две категории составляли ничтожное меньшинство, возвышавшееся участием в управлении, то третья категория, без преувеличения, образовывала социальную основу города.

Тем удивительней исследовательская индифферентность к этому исходному уровню городского гражданства. Категория *habitatores* осталась, по существу, не замеченной первыми интерпретаторами статутного права Кафы.¹ Ничего определенного не могли сказать о ней историки первой половины XX в. видя в термине «*habitatores*» лишённое сколько-нибудь определенного юридического смысла слово со значением, соответствовавшим русскому «обыватель»,² или, если вспомнить несколько позднюю и, определенно, удачную славянскую передачу этого термина М. М. Фрейденбергом и его учениками, «обитатель».³

Только в исследованиях последних лет стали обращать внимание на то, что *habitatores* отличались особым юридическим положением.

Ф. Тирье,⁴ в частности, полагал, что эта категория горожан не допускалась к участию в электорате, к занятию должностей, к получению доходов от крупной морской торговли. М. Балар⁵ допускал известную неполноту прав *habitatores* в сфере политики и управления, но не считал возможным говорить о какой-то их ущемленности в экономической сфере. Дж. Пистарино⁶ и С. П. Карпов,⁷ обращая внимание на то, что одни и те же лица являлись *cives* одного города (всегда Италии) и одновременно *habitatores* другого города (чаще на Черном море), делали акцент не на правой приниженности *habitatores* (эта мысль становилась алогичной), но на факторе изменившегося постоянного местожительства, получившего особое значение в политической и деловой карьере как указание на необходимые имущественные гарантии в том городе, «обитателями» которого эти лица себя объявляли.

На наш взгляд, положение *habitatores* не было постоянным. А изменявшийся на протяжении XIII–XV вв. объем прав и обязанностей, распространявшихся на *habitatores*, был обусловлен эволюцией статуса самой городской общины.

Первые упоминания *habitatores* встречаются в конце XIII в., когда Кафа еще не конструировалась в качестве *civitas* и называлась в правовых документах, как правило, «*locus*», или «*portus*».⁸ Обращение к актам кафского нотариуса Ламберто ди Самбучето 1289–1290 гг. показывает, что обладание квалификацией «*habitatores de Caffa*» были, по сути, единственной категорией горожан, постоянно проживавших в пределах городской черты. Это были генуэзцы⁹ и вообще итальянцы,¹⁰ греки¹¹ и армяне,¹² сирийцы¹³ и аланы,¹⁴ христиане и мусульмане¹⁵ и даже иудеи,¹⁶ что, между прочим, отличало Кафу от других европейских городов, где гражданство было сопряжено с этно-конфессиональными исключениями.

В большинстве случаев они владели недвижимостью, землями, домами, магазинами и ремесленными мастерскими. Ряд актов¹⁷ убеждает в том, что собственностью они владели в цитадели. Скорее всего, в конце XIII в. статус *habitatores* означал признание со стороны генуэзских властей Кафы юридического факта обладания недвижимостью именно в цитадели, которая едва стала окружаться оборонительными сооружениями. Аттестацией этого состояния являлось предъявление квитанций об уплате городских налогов.¹⁸

Владение собственностью, выступавшей в случае необходимости в качестве залоговой стоимости, повышало правоспособность *habita-*

tores, имевших право брать крупные займы, участвовать в большой коммерции, выгодных откупах и других финансовых предприятиях.

В первой половине XIV в., когда Кафа буллой понтифика была провозглашена *civitas*,¹⁹ с выделившейся цитаделью-бургом и начавшей осваиваться территорией субурбия, сложилась новая категория — *burgenses*, которая, вероятнее всего, вобрала в себя прежних *habitatores*, обладавших недвижимостью в цитадели-бурге. Этим, как нам кажется, объясняется смешанная квалификация некоторых горожан — «*burgenses et habitatores de Caffa*»,²⁰ упоминавшаяся в нотариальных актах.

Анализ документов XIV в. также не дает оснований видеть в *habitatores* неполноправное городское население. Этим достоинством обладали итальянцы²¹ и левантийцы,²² испанцы²³ и французы,²⁴ греки²⁵ и татары.²⁶ Они были банкирами и торговцами, рыцарями и держателями таверн, менялами и ремесленниками (т.е. никакая сфера предпринимательства для них не была закрыта).

Точно так же нельзя говорить об их полной исключенности из сферы управления и электората. Пока город ограничивался небольшой территорией и был сравнительно незначительно населен, *habitatores* сохраняли известную причастность к отправлению власти. Согласно статутным нормам 1316 г.,²⁷ они участвовали в деятельности общегородских парламентов, т.е. собраний, выносивших решения по всем важнейшим вопросам жизни города. Они же формировали городское ополчение, избирая центурионов и декурионов. К концу XIV в., с формированием регулярных представительных органов управления и созданием профессиональной военной организации, исчезла необходимость в парламенте и ослабла роль ополчения, и право участия *habitatores* в управлении деградировало до уровня самоорганизации приходской общины.

На протяжении XIV в. численность рассматриваемой категории горожан значительно увеличилась за счет включения в городскую общину населения субурбия и антибургов, т.е. предместий. Число «обитателей Кафы» постоянно пополнялось под воздействием как внешних миграций, в особенности итальянской, армянской и еврейской, так и внутренних переселений из ближайшей аграрной округи. Сложилось правило распространения статуса *habitatores* на всякого, в течение одного года проживавшего на территории города. В статуте 1449 г. оно сформулировано следующим образом: «Постановляем и утверждаем, что тудун, или викарий канлюков, не смеет и не может

вмешиваться в дела жителей Кафы (*habitoribus*), после того как они находились и проживали в городе, буграх и предместьях Кафы в течение одного года со своей семьей, они становились генуэзцами, а не канлюками, и суд над ними обязан и должен совершать господин консул Кафы, или его викарий, или компетентные магистраты». ²⁸

Признание бывших подданных татарского хана, самой различной религиозной и этнической принадлежности, обозначавшихся в тексте «канлюками» и подлежавших суду ханского чиновника — тудуна, «генуэзцами» нельзя воспринимать буквально, как это бывает в литературе. ²⁹ Очевидно их не следует рассматривать ни «генуэзцами по бенефицию», ³⁰ ни отождествлять с *burgenses*. ³¹

На наш взгляд, они были «генуэзцами» весьма условно, как члены коммуны, придерживавшейся генуэзского права, и именно в таком качестве они допускались к пользованию привилегиями генуэзцев не в полном объеме, но только теми, каких генуэзская коммуна Кафы добилась в черноморском регионе и смогла закрепить соглашениями с местными правителями. Сведения об участии *habitatores de Caffa* в региональных торговых и финансовых предприятиях ³² дают основание для такого заключения. Думаем, что за пределами этого уровня привилегий, обусловленного договорами Кафы, преимущества *habitatores* переставали действовать и указание на принадлежность к ним теряло смысл.

Наряду с достаточно влиятельной в экономическом и социальном плане частью *habitatores*, фактически сливавшейся с *burgenses*, существовала, по-видимому, немалая часть *habitatores*, не располагавшая недвижимостью в городе, но обладавшая только личным статусом «свободных горожан». Этот слой складывался преимущественно из получавших освобождение рабов и зависимых людей, проживавших на территории города. Конечно, коммуна Кафы, извлекавшая доходы из работоторговли, ³³ не могла относиться к проблеме свободы однозначно. В отличие от европейских городов, где «городской воздух делал свободным», община Кафы занимала в этом вопросе особую позицию, сопряженную с различными условиями и не знавшую временных ограничений.

Стоит обратиться к соответствующей статье статута 1449 г.: «По-становляем и утверждаем, что епископ Кафы обязан и должен сделать уведомление синдикам, если раб или рабыня, каким-либо образом бежавшие, будут приняты в его доме, он должен крестить их в течение трех дней и затем представить перед синдиками, которые тех

рабов или рабынь должны продать и из полученного уплатить их господам; епископ не может получать за их содержание более трех византийских за каждого в течение трех дней; и если случится, что какой-либо раб, бежавший из Кампаний или из Орды, но не из Солката, прибудет в Кафу, считается свободным, и если господин его затем востребует, обязаны синдики продать названного раба с публичных торгов и цену его отдать господину».³⁴

В возникавших коллизиях по поводу рабов коммуна определенно выступала третьей стороной с правами верховного покровителя над беглым. Оказавшись на территории города, не только в резиденции епископа или соборном храме, несвободный попадал в сферу действия иммунитетных привилегий третьего лица и на него перестала распространяться власть прежнего господина, и коммуна, через своих представителей — синдики, не случайно не выдавала беглых бывших владельцам, делая исключение для владетелей Солката, с которыми Кафа связана договорными обязательствами.³⁵ Раб или зависимый обретал свободу в случае отсутствия притязаний.

Равным образом, раб становился свободным, если синдики в ходе периодически проводившейся ревизии владельческих прав³⁶ не находили юридических оснований для установления рабского статуса, не находили нотариально оформленных документов, удостоверявших принадлежность раба как объекта собственности господину.

Кроме того, коммуна могла выкупать рабов — христиан или пожелавших принять христианство у владельцев-сарацин. Эммануэле Пилоти в 1420 г., в частности, отмечал, что генуэзские власти во главе с консулом и епископом совершали инспекционный обход вывозившихся из Кафы рабов и опрашивали, «... хотят ли они быть христианами, или язычниками, и тех, кто захотел быть христианами, отбирали ...».³⁷

Все эти освобожденные люди в правовом смысле были равны с прочими *habitatores*, однако в смысле экономических возможностей, материальных гарантий своих прав они отличались от обычных горожан. Жизненные тяготы заставляли их поступать в услужение и даже отказываться от своей свободы.

Поэтому статутное законодательство Кафы содержало специальные нормы, защищавшие раз предоставленную свободу: «Постановляем и утверждаем, что никакое лицо, каким бы состоянием и достоинством оно ни обладало, будь то генуэзец, или иностранец, не смеет и не может, тайно или явно, в городе Кафы или предместьях покупать

или велеть покупать, само или через доверенного, какого-нибудь мужчину или женщину из жителей Кафы (*habitorum Caphe*), какого бы рода или нации они ни были, даже если они сами себя продают. . .»;³⁸ или ниже: «Постановляем, что никакое лицо, каким бы состоянием и достоинством оно ни обладало, будь то генуэзец или иностранец, не может покупать в буграх и городской округе Кафы какого-либо мужчину или женщину, проживавших в Кафе (*habitantem in Capra*) в каких-либо тяготах, ради вывоза из Кафы по морю или по суше тайно или явно. . .».³⁹ Посягавший на законы лишался денег в размере покупной цены и подвергался штрафу до 1000 аспров. Посредники, цензоры, нотариусы, греческие или латинские, участвовавшие в оформлении сделки, а равно и главный скриба налогов с работорговли, вписавший эту сделку в налоговый реестр, наказывались штрафом по 100 аспров.

Этой части *habitatores*, еще не укоренившейся в Кафе и не имевшей родовой поддержки, было труднее добиться успеха в коммерции или ремесле, хотя, с точки зрения права, для них не существовало каких-либо запретов. Самой простой перспективой для них было стать наемником или матросом, полицейским или оргузием в составе конной стражи.

В целом, в социальном плане категорий *habitatores* оказывается не поддающейся идентификации; в нее входили представители почти всех социальных групп, как благородных, так и неблагородных. И только в юридическом плане эта категория отличалась причастностью к одному уровню прав и привилегий, включавшему в себя допущение к низовому самоуправлению, без права избираться и быть избранным на общегородские должности, монополию на внутреннюю розничную торговлю,⁴⁰ пользование льготами коммуны Кафы в локальном и региональном обмене, а при наличии недвижимости — возможность участия в налоговой и финансовой политике города.

---

¹ Юргевич В. Н. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. V. С. 626–857; Ковалевский М. М. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. // Сборник статей по истории права, посвященный Н. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 195–228; Primaudaie E. F., de ls. *Études sur le commerce du moyen âge: Histoire du commerce de la Mer Noire et des colonies génoises de la Crimée*. Paris, 1848. P. 83–95; Heyd W. *Geschichte des Levantehandels im Mittelalter*. Stuttgart, 1879. Bd II. S. 170–175.

² Зевакин Е. С., Пенченко Н. А. О социальных отношениях в генуэзских колониях XV в. // Исторические записки. М., 1940. Т. VII. С. 5–6; Старокадом-

ская М. К. Очерки по социально-экономической истории генуэзской Каффы конца XIII — первой половины XV в.: Канд. дис. М., 1950. С. 7–8; Гольдшмидт И. А. Каффы — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV в.: Канд. дис. М., 1952. С. 198–208; Чиперис А. М. 1) Экономическое положение и классовая борьба в крымских городах в 30–70-е годы XV в.: Канд. дис. М., 1958; 2) Внутреннее положение и классовая борьба в 50–70-е годы XV в. // Учен. зап. Туркменск. гос. ун-та. Ашхабад, 1962. Вып. XXI. С. 254–255; Malowist M. Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1457. Warszawa, 1947. Cap. III.

³ Фрейденберг М. М., Чернышев А. В. Города-коммуны далматинского побережья (VII-середины XIII в.) // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XIII вв. М., 1985: С. 250–284; Воробьев И. Г. Венецианская республика и югославянские земли в XV–XVII вв. Калинин, 1987. С. 47.

⁴ Thiriet F. Études sur la Romanie gréco-vénétienne (XIe–XVe siècles). Londres, 1979.

⁵ Balard M. La Mer Noire et la Romanie génoise. Londres, 1989.

⁶ Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 279–288.

⁷ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990. С. 271–272; Karpov S. P. Grecs et Latins à Trébizonde (XIIIe–XVe siècles): Collaboration économique, rapports politiques // État et colonisation au Moyen âge. Lion, 1989. P. 413–424.

⁸ Bratianu G. I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). Bucarest, 1927. N 1, 153, 282, 290; Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290. Paris; La Haye, 1973. N 585, 611, 615, 617, 626, 629, 632, 646, 657, 664, 668, 671, 677, 687, 688, 693, 715, 720, 721, 724, 891.

⁹ Balard M. Gênes et l'Outre-Mer... N 90, 115, 124, 137, 155, 188, 207, 226, 285, 293, 298, 299, 350, 367, 394–b, 441, 497, 522, 540, 570, 575, 605, 656, 665, 697, 723, 763, 771.

¹⁰ Ibid. N 439, 485, 860.

¹¹ Ibid. N 249, 364, 594, 602, 853.

¹² ibid. N 405, 593, 752, 762, 773, 829.

¹³ Ibid. N 518, 570, 710, 875.

¹⁴ Ibid. N 696.

¹⁵ Ibid. N 396, 601.

¹⁶ Ibid. N 371.

¹⁷ Ibid. N 439, 518, 540, 570, 853, 860.

¹⁸ Imposicio Officii Gazariae (A cura di L. Sauli) // Historiae Patriae Monumenta. Torino, 1838. T. II. Col. 348; Карпов С. П. Итальянские морские республики... С. 320–321.

¹⁹ Actra Iohannis XXII (Bd. A. L. Tautu) // Pontifica commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Città del Vaticano, 1952. Vol. VII. Pt. II. P. 12–13. (1322).

²⁰ Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Bordighera, 1973. N 9, 12, 13, 15, 17, 19, 26–29, 33, 34, 37–41, 46, 50, 53, 56, 59, 63, 69, 71, 72, 76, 78, 79; Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo. Bordighera, 1971. N 54, 55, 60, 62, 65, 69, 81, 85;

Balard M. *Gênes et l'Outre-Mer*. T. II; Actes de Kilia du notaire Antonio di Pozzo (1360). Paris; La Haye; New York, 1980. N 12, 109, 121.

²¹ Balbi G., Raiteri S. *Notai genovesi...* N 1, 4, 9, 12, 13, 16, 17, 19, 27-29, 33, 37-41, 43, 46, 56-58, 63, 69, 71, 72, 76, 78, 79.

²² Ibid. N 26, 29, 34.

²³ Ibid. N 15.

²⁴ Ibid. N 9, 27, 50, 53, 59.

²⁵ Airaldi G. *Studi e documenti su Genova e l'Oltremare*. Bordighera, 1974. N 2, 4, 6, 43, 45.

²⁶ Ibid. N 36.

²⁷ Ordo de Caffa // Primaudaie E. F., de la. *Études sur le commerce...* P. 334-335, 339-340, 342-343.

²⁸ Statutum Caphe // Vigna A. *Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di San Giorgio // Atti della Societa Ligure di Storia Patria*. Genova, 1879. Vol. VII. Pt. II. P. 650.

²⁹ Astuti G. *Le colonie genovesi del Mar Nero e ordinamenti giuridici // Colloquio romeno-italiano: „I Genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII-XV”*. Bucarest, 1977. P. 87-130.

³⁰ Pistarino G. *I Gjin dell'Oltremare...* P. 122.

³¹ Airaldi G. *Etnia e strati sociali negli insediamenti medievali italiani del Mar Nero // Byzantino bulgarica*. Sofia, 1981. Vol. VII. P. 249.

³² Balard M. *Genes et l'Outre-Mer...* T. I. N 115, 180, 184, 441, 723, 763; T. II. N 12, 22, 58, 68, 71, 75-77, 102, 109, 121, 122; Balbi G., Raiteri S. *Notai genovesi...* N 12, 19, 37, 43; Pistarino G. *Notai genovesi in Oltremare...* N 17, 25, 26, 30, 43, 53, 59, 78.

³³ Verlinden Ch. *L'esclavage dans l'Europe médiévale*. T. II: Italie. *Colonies italiennes du Levant*. Latin. Empire Byzantin. Gent, 1977; Tardy L. *Sklavenhandel in der Tartarei*. Szeged, 1983; Карпов С. П. *Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (Преимущественно по данным массарий Каффы) // Византийский временник*. М., 1986. Т. 47. С. 139-145.

³⁴ Statutum Caphe... P. 635.

³⁵ Desimoni C. *Trattato dei genovesi con chan dei tartari 1380-1381 // Archivio storico italiano*. Nuova serie. Firenze, 1887. T. XX. P. 164.

³⁶ Statutum Caphe... P. 590.

³⁷ Dopp P.-H. *Traité d'Emmanuel Piloti sur le Passage en Terre Sainte (1420)*. Louvain, 1958. P. 143.

³⁸ Statutum Caphe... P. 635.

³⁹ Ibid. P. 635-636.

⁴⁰ Ibid. P. 651-652.